

Книжное обозрение

РОССИЯ В ЕВРОПЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА "ЕВРОПЕЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ". Сост. и общ. ред. А. В. Андреевкова и Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009.

Что же такое Россия? И что такое Европа? Спор, начало которому положили славянофилы и западники в первой половине XIX века, продолжается по сей день. Славянофил Н. Я. Данилевский выразил свое отношение к предмету спора, исключив Россию из Европы уже в самом названии своей книги. Европа и Россия - полагал он, - это своеобразные культурно-исторические типы, которым "с места не сойти" и суждено в обозримой исторической перспективе противостоять друг другу. Философ Г. П. Федотов, напротив, был уверен, что непреодолимых культурных различий между Россией и Европой не существует и что появилась уже порода русских людей, которых можно было с уверенностью назвать русскими европейцами. Это русские по рождению люди, которые органично вписываются как в российский, так и европейский ландшафт, одинаково комфортно чувствуют себя как в России, так и странах Запада.

Подобному рассуждению несложно найти доказательства в реалиях сегодняшнего дня. После распада СССР миллионы граждан России отбыли в страны Европы на работу, отдых, да и просто на постоянное место жительства и в большинстве своем успешно обустроились в этих, еще недавно таких чуждых и, казалось бы, враждебных русскому духу обществах. Из этого вытекает важный вопрос: так ли противоположны Россия и Европа в культурном плане? Нет ли в попытках противопоставить Россию и Европу простой игры в ноумены, в названия, которая, как только затевается, неизбежно изменяет конфигурацию географических и социальных пространств. На сложные вопросы российской культурной идентичности отвечает монография "Россия в Европе", подготовленная Институтом философии РАН и Институтом сравнительных социальных исследований.

О том, как соотносятся между собой Россия и Европа, монография отвечает предельно просто и лаконично: Россия уже в Европе, а не вовне ее, она все более привязывается к ней многочисленными узами, включая узы научной кооперации. Симптоматично, что поводом к написанию книги стало включение России в список стран-участников Европейского социального исследования, в котором помимо нее участвует более 20 европейских государств. Важно отметить, что к реализации этого проекта российские социологи отнеслись предельно тщательно. Первая глава книги (Андреевков В. Г.) посвящена тому, как готовилось исследование, какие процедуры предваряли полевую часть проекта и как осуществлялся сбор данных. Со времен Р. Мертона сравнительные исследования - это, с одной стороны, необыкновенно притягательная для социолога перспектива, а с другой, - огромный труд, необходимость бесконечных согласований, уточнений, преодолений, неизбежных для подобного контекста расхождения в понятиях. По тому, насколько тщательно "расшифрована" методология проекта в открывающей книгу статье, видно, что руководители проекта отнеслись к его сложно-

стям со всей ответственностью, не упустили ни одной сколько-нибудь важной детали, способной повлиять на конечный результат. Статья не оставляет сомнений, что методологический фундамент, на котором базируются дальнейшие рассуждения, надежен, а каждый из разделов инструмента выведен на ту предельную глубину, на которую позволяет инструмент комплексного количественного исследования.

Содержательную сторону проекта открывает статья Н. И. Лапина, посвященная позиции России в социокультурном пространстве Европы. В ней представлена фундаментальная стратегия анализа, связывающая ценностный план с материальным базисом - укладами, господствующими в экономике. Если экономика России находится в индустриальной фазе развития или - в некоторых случаях - в откате к доиндустриальным формам, если в структуре экономической жизни верх берет сырьевой сектор, то было бы нелогично ожидать существенного продвижения в сторону европейских постиндустриальных ценностей. В России, отмечает Лапин, почти половина населения соотносит себя с кластером, в котором преобладают ценности индивидуального достижения, обогащения или, иными словами, вполне либеральная идеология индивидуального успеха. Вместе с тем в российском общественном сознании более скромно, чем в Европе, представлены ценности риска. Нельзя не согласиться с автором, осторожное отношение к переменам в собственной жизни и обществе в российском контексте объясняется социальным и экономическим шоком, которым пытались лечить российское общество его реформаторы в 1990-е годы. В Европе ни одно общество не подвергалось столь радикальным воздействиям, поэтому умеренные риски в нем рассматриваются как приемлемые или даже желательные. В структуре ценностей россиян присутствуют и ценности новой информационной эпохи, однако более глубокий анализ этих "кластеров" еще впереди. Для понимания изменений в общественном сознании необходимо накопление данных, мониторинговый характер исследования позволяет выбрать подобную стратегию.

В статье Л. А. Беляевой сравниваются социальные структуры России и других европейских стран. Первое, что бросается в глаза при сравнении статусов занятости, - это различия в размерах класса предпринимателей и самозанятых. В Европе данная группа составляет в среднем 13% населения, в России - не более 5%. Автор объясняет этот факт объективными условиями, в которых находится малый и средний бизнес в России. Если крупный бизнес обладает немалыми возможностями выживания даже в неблагоприятных экономических условиях, малый бизнес целиком и полностью зависит от эффективности институциональной структуры - честности и справедливости судов, прозрачности и кодифицируемости отношений собственности, конкурентных отношений в кредитно-финансовой сфере. Бюрократизация, повсеместная коррупция, произвол создают условия, при которых малый бизнес может существовать только в том случае, если он явным или тайным образом вписан в план обогащения местных или федеральных элит. К сказанному добавим: в современной российской экономике малый бизнес редко наследуется, старшее поколение, создавшее малое предприятие, всеми силами стремится вытолкнуть детей в группу высокооплачиваемых наемных работников. Подобным образом родители пытаются защитить своих детей от рисков, которым сами они подвергаются, занявшись бизнесом.

Вряд ли стоит удивляться тому, что от других стран Европы Россия отличается большей долей населения, принадлежащей к малообеспеченной группе. Феномен российского расслоения детально изучен российскими и зарубежными социологами. Выявлены причины социальной дифференциации, коренящиеся в неолиберальной социальной политике, ориентированной на сокращение налоговой нагрузки на крупный бизнес, коррупции, низкой заинтересованности российских предпринимателей в развитии отечественной экономики, в инвестициях. Если в большинстве стран Европы прогрессивная шкала налогов и ориентация на социальное государство являются общепринятой нормой, в России любое предложение следовать европейскому образцу рассматривается политическим классом как неприемлемое. Беляева подчеркивает,

что характер распределения, утвердившийся в современной России, благоприятствует верхней имущественной страте, а возможности социальной мобильности ограничены, будучи "локализованными в средней и нижней частях имущественной пирамиды" (с. 64). Автор полагает, что названные признаки говорят о том, что российское общество по-прежнему находится в переходной фазе от государственного социализма к рынку и что эволюционный процесс, связанный с реформами, продолжается. Возникает, однако, закономерный вопрос: как долго будет длиться переход и какими еще человеческими ресурсами необходимо будет пожертвовать для того, чтобы достичь рыночного горизонта? Беляева подчеркивает, что ситуация может измениться только в случае трансформации профессиональной структуры российского общества и укрепления позиций среднего класса. Но этому препятствует "сырьевой" интерес современных российских политических и экономических элит, а также ускоряющаяся деградация важнейших институтов воспроизводства - здравоохранения и образования.

В статье А. В. Андреевской изучается политическое поведение и политические взгляды россиян в сравнении с населением стран Европы. Общий вывод, к которому приходит автор, можно с полным основанием квалифицировать как нетрадиционный: в целом политическая культура российского населения схожа с политической культурой европейцев, а те отличия, которые ей свойственны, связаны скорее с незавершенностью процессов институционализации российской политической жизни. Особенности политической системы, полагает автор, в том, что а) россияне невысоко оценивают свой уровень политической компетентности и б) отказывают в поддержке существующей политической системе. Следуя общей логике "вписывания" России в Европу, автор избегает проводить какие-либо параллели с российским прошлым. Как и Беляева, она рассматривает российскую специфику как "отражение" переходного периода, не расшифровывая, что может стоять за подобной "незрелостью". При сопоставлении результатов, приводимых в разных статьях, обнаруживается сходство отдельных социальных характеристик изучаемого объекта в общую классовую схему. Если в среднем россияне заинтересованы в политической информации в той же степени, что и большинство европейцев, но при этом получают ее в меньших объемах; это может означать только то, что она распределяется в обществе неравно и что характер этого распределения естественным образом гармонизирован со всей системой неравенства, возникшей в России в пореформенный период. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такую политическую систему россияне поддерживать не готовы.

К сказанному следует добавить и то, что уровень удовлетворенности жизнью в России гораздо ниже, чем в большинстве стран Западной Европы. И дело здесь даже не в том, что наша страна отстает от большинства западноевропейских по уровню жизни: по данным исследования, в сумме материальные факторы объясняют не более 11% вариаций переменной "удовлетворенность". Наибольшим эвристическим потенциалом обладает, как оказалось, модель, в которой важными факторами являются состояние здоровья, уверенность в завтрашнем дне, в своих силах, справедливость и доход. В ней факторы психологического самочувствия явным образом перевешивают материальные, представленные одним личным доходом. Общим рефреном этого, как и других разделов книги, является ресентимент российского населения, его убежденность в том, что у современной России нет проекта, рассчитанного на перспективу, что она торопливо живет сегодняшним "сырьевым" днем, игнорируя необходимость инвестировать в будущее.

Актуальные вопросы обсуждаются в статье Л. М. Дробижевой и Ю. В. Арутюняна. Россия и Европа сопоставляются по таким параметрам, как уровень ксенофобии. Острые дебаты по данной повестке дня проходят, как подчеркивают авторы, на фоне все более настойчивых попыток государства реализовать в России проект общей гражданской идентичности. В нем неявно конкурируют друг с другом две возможные стратегии продвижения гражданских ценностей. Первая - это стратегия замещения: новая идентичность должна стать "национальностью" и оттеснить на задний план

этническую идентичность. Вторая предполагает совмещение двух идентификационных планов: гражданская идентичность должна будет строиться поверх этнической, никак ей не противореча. Авторы обоснованно доказывают, что политика в сфере национальных отношений не должна идеализировать ни один из типов. Порочной могут быть как этническая идентичность, так и гражданская, все в этом случае зависит от того, как определяется гражданство и каким образом консолидируется тот психоконтекст, на котором она базируется. Данные показывают, что гражданская идентичность присутствует в сознании примерно двух третей россиян. Ее структура схожа с европейской: раскрывается в стремлении любить свою страну, чувствовать за нее ответственность. Этническая идентичность набирает силу, когда обстоятельства социальной жизни заставляют россиян критически оценивать ситуацию в стране. Было бы неверно, настаивают авторы, пытаться в подобной ситуации вытеснить этническую идентичность, противопоставляя ее гражданской. Напротив, единственно верная политика заключалась бы в том, чтобы гармонизировать разные уровни идентичности, составив из них своего рода систему сдержек и противовесов. Что касается отношения к мигрантам, то и здесь Россия не выбивается из общего европейского тренда. Доля тех, кто настаивает на запрете въезда мигрантов в страну, существенно больше, чем в Швеции (2%), но при этом заметно меньше, чем в Венгрии (39%). Общим для европейских стран являются межпоколенческие различия: молодежь в большей степени негативно относится к миграции и чаще готова протестовать против нее, но - и это важно понимать - в молодежной среде идея приезда "чужаков" противостоит не столько этнической, сколько региональная, локальная идентичность, которая в условиях глобализации повсеместно укрепляется, не в последнюю очередь благодаря ослаблению государства и его влияния на общество.

По мнению В. С. Магуна и М. Г. Руднева, Россия все же занимает особое место в Европе. Она опережает "ядро Европы" по такому параметру, как стремление к безопасности, и отстает по показателю "самостоятельность", находя свое место в одном ряду с восточноевропейскими соседями - Польшей, Румынией, Словакией, а также - что неожиданно - с Португалией. Россияне не склонны к риску и не стремятся к новизне, но ничем не отличаются от жителей Польши, Словакии или Румынии. Россияне явным образом отстают от европейцев в измерении гедонизма, но превосходят всех желанием самоутвердиться, добиваться успеха, двигаться вверх по социальной лестнице. Если и есть показатель, по которому Россия действительно выбивается из общеевропейского мейнстрима, то это забота о людях и природе. Ни развитый социализм, ни "дикий" капитализм 90-х не создали предпосылок для появления и распространения в российском обществе экологического сознания.

Упомянутые выше статьи не исчерпывают всего содержания рецензируемой монографии. В ее обширной тематике нашлось место материалам, посвященным семье, религиозности, рынку труда и гендерному неравенству. Монография изобилует фактической информацией - таблицами, диаграммами, объясняющими схемами. Выводы, к которым пришли авторы, вряд ли устроят записных патриотов, ищущих в российской жизни признаки особенности, величия, святости, соборности. Не устроят они и тех, кто смотрит на российское население свысока, мечтая "выпарить" из него его прошлое, историю, идентичность. Результаты ESS, подвергнутые обстоятельному анализу, красноречиво свидетельствуют о том, что Россия уже в Европе, а ее население, чтобы там ни говорили, - это один из европейских народов. Люди как люди, только, возможно, более остальных обремененные прошлым - советским коммунальным наследием и "шоковой" терапией, оказавшейся на поверку вовсе не терапией, а симптомом тяжелой болезни, которую обществу еще только предстоит преодолеть. Монография адресована не только социологам, серьезно изучающим состояние современного российского общества; ее с интересом прочтут все те, кто размышляет о месте России в современном мире, ее будущем в Европе.

М. Ф. ЧЕРНЫШ, доктор **социологических** наук

Белорусских социологов, экономистов, управленцев порадовало появление новой книги доктора философских наук, профессора, лауреата премии имени П. А. Сорокина Г. Н. Соколовой. Когда в руках читателя оказывается столь объемный труд, невольно возникает мысль: сколько же часов, дней, месяцев, а может быть, и лет пришлось затратить автору, чтобы его написать?! Труды Соколовой не "высжииваются" в кабинетной тиши и не претендуют на спокойное пребывание на полках научных библиотек, а базируются на глубоком социологическом анализе жизненных реалий, практическом познании состояния белорусского социума в разных ипостасях его жизнедеятельности. Научные выводы ориентированы на практическое усовершенствование управленческо-экономической и социальной деятельности соответствующих структур государства и гражданского общества. Именно этим и привлекают её работы. Вслед за автором интересно "погрузиться" в процессы становления в Республике Беларусь социально ориентированной рыночной экономики, правового общества, полнее осознать их инновационный характер, социально-экономическую и нравственно-гуманистическую сущность, понять логику структурной перестройки экономики, увидеть открывающиеся возможности, пути и инструменты роста благосостояния народа. И в то же время не упустить из виду подстерегающие риски, возможные "откаты", сложные социальные проблемы экономических преобразований.

Соколова убедительно доказывает, что в этих условиях актуализируется необходимость разработки и активного использования *социальных механизмов* становления инновационной экономики, усиления взаимодействия и взаимодополняемости экономических и социологических исследований. Все это вызвало необходимость авторской разработки социологической экспертизы экономических преобразований, которая способствовала бы реальному государственному контролю над балансом экономических и социальных издержек, социальных последствий экономических реформ и оперативной разработке и использованию компенсаторных механизмов.

Авторская нацеленность на действенность научных изысканий - характерная черта всего рецензируемого труда. Видимо, поэтому в книге присутствует не только глубокий анализ социальных проблем, но и смелая "презентация" собственных предложений, направленных на преодоление имеющих место недостатков, нерешенных или замедленно решаемых проблем. Особое внимание обращается на противоречивый характер современного экономического развития: сочетание высоких темпов развития с разрушающими эффектами и появлением новых проблем, связанных с непредвиденными результатами освоения, использования и распространения нововведений. И это не отклонение от нормы, а особенность, имманентно присущая нововведениям, обусловленная невозможностью всё предсказать. От новшеств обычно ждут только положительных результатов, и малейшее отклонение, неудача влекут за собой разочарование, ослабление прежнего желания активно продолжать работу. А это означает, что одновременно надо искать пути совершенствования соответствующих компонентов инновационного процесса и пути повышения инновационной культуры его участников.

Насыщенность содержания определяется авторскими разработками, которые синтезировались в три мощных взаимосвязанных направления исследовательской мысли и опыта: экономические вызовы на старте XXI века, ресурсы и возможности для адекватных ответов и сами ответы, выступающие в виде социальных механизмов регуляции тех или иных глобальных процессов. Автора интересуют актуальные вопросы, выражаемые в парадигме "вызов-ответ". *Каковы* основные экономические

вызовы в русле социально ориентированной экономики Республики Беларусь? *Каким образом* они соотносятся с ресурсами и возможностями для адекватных ответов? С помощью *каких* социальных механизмов можно ответить на эти вызовы и компенсировать возможные нежелательные последствия (в частности, в условиях экономического кризиса) для общества. Ответы на эти вопросы даются во всем богатстве статистических материалов, а также в русле республиканского **социологического** мониторинга "Общественное мнение по экономическим, социокультурным и политическим вопросам", ежегодно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси.

В первой части книги рассмотрены экономические вызовы белорусскому обществу со стороны стремительно изменяющегося мира, которые определяются выбором эволюционного пути вхождения Республики Беларусь в рыночные отношения, связанного с формированием социально ориентированной рыночной экономики многоукладного типа. Однако выбор в пользу подобной экономики, наряду с преимуществами, порождает и ряд проблем, главные из которых: соотношение социального и экономического компонентов в государственной социальной политике, социальный контекст инновационных процессов, вынужденное сохранение занятости на промышленных предприятиях, сдерживание регистрируемой безработицы. *Первый* экономический вызов связан с проблемой баланса социального и экономического компонентов в государственной политике, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, могут вызвать снижение экономической эффективности производства. *Второй* соотносится с поворотом социальной политики государства в направлении модернизации экономики на макро-, мезо- и микроуровнях, что неизбежно ведет к росту уровня структурной безработицы. *Третий* вызов связан с политикой сохранения занятости на промышленных предприятиях с целью недопущения роста уровня регистрируемой безработицы. Социальным последствием этого выступает отсутствие побудительных мотивов для активизации человеческого потенциала в сферах науки и образования, ограниченные масштабы модернизации производства, слабые возможности для развития профессионального среднего класса. *Четвертый* определяется политикой сдерживания регистрируемой безработицы в республиканском и региональном масштабах, что ведет к росту скрытой безработицы на предприятиях и в организациях, а также к возникновению феномена нерегистрируемой безработицы, значительно превышающей официально регистрируемую.

Анализ позволил автору прийти к ряду выводов. Так, **исследование** взаимосвязи натуральных и стоимостных показателей человеческого капитала, как сформированного в результате инвестиций и накопленного человеком запаса здоровья, знаний и навыков, свидетельствует о сохранении *экономического оборота* человеческого капитала в сферах науки и образования, а также об отрицательной динамике *естественного оборота* человеческого капитала в сфере здравоохранения, за счет уменьшения продолжительности жизни населения Беларуси. Повышение эффективности использования человеческого капитала связано с изменением стратегии и тактики инновационного развития страны. В сфере науки - это увеличение расходов на НИОКР до 2% к ВВП и формирование научных кадров по приоритетным направлениям научно-технического развития. В сфере образования - привлечение инвестиций в среднее специальное и высшее образование, в соответствии с запросами рынка труда. В сфере здравоохранения - реализация социальных программ активного приобщения населения к здоровому образу жизни, расширение рынка медицинских технологий и услуг.

Что касается модернизации отечественной экономики, то в концептуальном плане речь идет о способности генерировать передовые научно-технические идеи и экспортировать результаты НИОКР. На макроуровне модернизация связана с включением государства в мирохозяйственные связи, а на микроуровне - со способностью генерировать передовые научно-технические идеи и создавать гибкие технологии с высоким удельным весом программно-инновационных элементов. Опыт транзитивных стран свидетельствует о том, что в процессе становления инновационной экономики роль малых, средних и крупных предприятий принципиально изменяется. На первый план выходит экономическая и социальная проблема их жизнеспособного симбиоза, в

котором каждый из субъектов хозяйствования выполняет свою специфическую роль. Исследования показали, что инновационный потенциал малых предприятий не используется. Актуализируется необходимость введения комплексных механизмов превращения малых предприятий в активных субъектов инновационной деятельности, повышения их роли в становлении инновационной экономики Беларуси.

Что касается адаптационных стратегий белорусского населения, то применяемые государством социальные и экономические механизмы стабилизации и поддержания социального и имущественного равенства в обществе в определенной мере исчерпали свой ресурс и не соответствуют "вызовам" изменившейся социально-экономической среды. Они не способны стимулировать население на то, чтобы в полной мере задействовать имеющиеся индивидуальные ресурсы и реализовывать успешные адаптационные стратегии. Это свидетельствует о необходимости разработки этих механизмов в соответствии с новыми требованиями среды.

Анализ функционирования и развития профессионального среднего класса свидетельствует о том, что это "эмбриональный средний класс", которому еще предстоит развиваться и проявить себя в полной мере. Беларусь пока что тяготеет к общественному устройству со значительным "базовым слоем", стабилизирующим общество на основе нерыночных ценностей (2/3 всего населения); с восходящей экономической мобильностью из нижнего в базовый слой, и в меньшей мере - из базового в средние слои; со сравнительно небольшим средним классом (примерно 1/3 населения), находящимся в эмбриональном состоянии по структурным характеристикам и выполняемым функциям. По мнению автора, средний класс белорусского общества должен стать более многочисленным, приобрести экономическую самостоятельность, стать полноправным субъектом экономических преобразований.

При анализе особенностей инновационных преобразований в реальном секторе белорусской экономики особое внимание уделено социальным аспектам кадрового обеспечения преобразований, регуляции спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

В целом подтверждается фундаментальное положение о том, что государство может и должно играть значительную роль, не только корректируя рыночные реформы, но и обеспечивая социальную справедливость в обществе. Экономические вызовы внешнего и внутреннего порядка должны активизировать наличные ресурсы общества на формирование "ответа" и дальнейшее развитие. Воздействие "извне" должно создавать в обществе внутренний импульс собственного развития - повышение эффективности использования человеческого капитала, усиление инновационных процессов в модернизации белорусской промышленности, активизацию адаптационных стратегий организаций и населения к условиям "догоняющей" модернизации, превращение профессионального среднего класса в реального субъекта инновационного развития экономики. Назначение социальных механизмов регулирования названных процессов - своевременно "чувствовать" проблемы, минимизировать или компенсировать издержки инновационных процессов и быть составной частью эффективной государственной социальной политики.

Безусловно, глубоко и основательно разобраться в вопросах динамично функционирующей экономики - дело чрезвычайно сложное. В данных обстоятельствах автор сформулировал свои собственные задачи и сумел, опираясь на академические традиции, опыт отечественных и зарубежных ученых и активно используя собственные творческие возможности, прояснить ряд особенностей в развитии современного общества и, в частности, белорусского государства. В результате вниманию читателей предлагается работа, в которой, на наш взгляд, дана масштабная картина рефлексивного осмысления экономической реальности и тем самым сделан значительный шаг на пути концептуализации основных направлений развития современного общества. "Масштаб проделанной работы, диапазон тематики, глубина раскрытия, эмпирическая база исследования, - как отметил в обращении "К читателю" член-корреспондент НАН Беларуси А. Н. Данилов, - впечатляют".

П. П. УКРАИНЕЦ, доктор исторических наук, профессор